

НАПИШИ СЕБЕ АЛИБИ

ДЕТЕКТИВ В ДЕТЕКТИВЕ

АЛИЧЕ БАССО

ПРИЗРАК
ПЕРА

МОСКВА
2022

УДК 821.131.1-312.9
ББК 84(4Ита)-44
Б27

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!
МЫ В СОЦСЕТЯХ:
www.eksmo.ru
 vmirefiction

Alice Basso
L'IMPREVEDIBILE PIANO
DELLA SCRITTRICE SENZA NOME

Copyright © 2015 by Alice Basso

Published by arrangement with The Italian Literary Agency.

Бассо, Аличе.

Б27 Призрак пера / Аличе Бассо ; [перевод с итальянско-го А. Осминой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-155162-9

Сильвана Сарка — хамелеон. Она мастерски перенимает характер, стиль и особенности других людей, поэтому ей так легко удается писать за них книги и зарабатывать этим на жизнь.

Но где-то в тени скрывается настоящая Вани — саркастичная одиночка с непростым характером и ненавистью ко всему миру.

Жизнь подкидывает ей новое задание: Сильване придется применить свой талант, чтобы встать на место похитителя и найти популярную писательницу, с которой она работала.

И на этот раз никто не напишет сюжет за нее.

УДК 821.131.1-312.9
ББК 84(4Ита)-44

© Осминая А., перевод на русский язык, 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-155162-9

ГЛАВА 1

Пиши о том, что тебе знакомо

Многие обожают запах бумаги.

Кто-то просто ходит по нему с ума. Покупая книгу, они подносят ее к лицу и, закрыв глаза, глубоко вдыхают. Порой стонут от восторга. В библиотеке, точно оказавшись в горах, набирают полную грудь воздуха, а потом вытаскивают из первого попавшегося шкафа какой-нибудь пыльный том и ныряют в него с явным желанием поцеловать страницы.

В реальности же запах бумаги — это запах смерти. И я сейчас не про химические испарения только что отпечатанной книги, которая пахнет примерно как соевый бифштекс. Старые, именно старые книги, те самые, чей запах ни с чем не спутаешь, на самом деле пахнут разлагающейся целлюлозой. На деле — гнилью. То есть люди сходят с ума по вони, гнили и смерти и даже не знают об этом. Зато я знаю, потому что в 2012 году мне

пришлось, изучив гору материала, написать текст о типографском деле, и с тех пор в кабинете Энрико Фуски, этом храме книг, меня слегка подташниковывает.

Кабинет Энрико Фуски, главного редактора двухсотлетнего издательства «Эрика», а также моего начальника, находится на третьем этаже исторического здания в центре Турина. Одно из тех печально известных мест, где невозможно припарковать машину, где у дверей, скрытых портиком, установлены латунные домофоны с минимумом имен и множеством цифр. Кабинет отнюдь не выглядит огромным прежде всего потому, что деревянные книжные шкафы размером от пола до потолка, битком набитые первыми изданиями (откуда, собственно, и запах), занимают площадь размером с мою квартиру.

На полу геометрические узоры из мраморной крошки, вся отделка — из темного обработанного дерева, а немногочисленная мебель соответствует общему стилю. Здание старое. И будто пахнет временем. Что означает — идеально подходит руководителю одной из самых старинных и признанных издательских групп Италии.

Оставим внушительные машины и современные технологии верстки макета и дизайна проверенным типографиям, а леденящую атмосферу неоновое освещение и пристроек — складским помещениям распространителей; оставим шеренги двадцатисемидюймовых компьютеров фирмы Apple и эргономичных кресел открытому офисному пространству, первая дверь направо от входа. Это — кабинет директора, и нет ничего

плохого в том, чтобы сохранять его в том же виде, что и двести лет назад, но с небольшим нововведением: ноутбуком Энрико Фуски на деревянном столе и двумя его же смартфонами поверх горы переизданий.

Дверь открывается со скрипом, который умеют издавать только такие вот двухсотлетние двери, и входит какой-то тип лет пятидесяти, высокий и грушевидный, хоть и худощавый, в пиджаке, при галстуке и в квадратных очках в толстой оправе. Он вполне мог купить их как в семидесятых годах и с тех пор не менять, так и только позавчера, следуя непреходящей моде на винтаж — сейчас как раз оправы в стиле семидесятых в большом почете. Ненавижу эту моду. Винтаж путает мне все карты. К примеру, не могу понять, вижу ли я неопрятного интеллектуала, живущего где-нибудь вдали от цивилизации, или самовлюбленного пиджона с кризисом среднего возраста.

Мужчина проходит к столу, из-за которого ему навстречу как раз поднимается Энрико Фуски, низенький, лысоватый и достающий гостю до подбородка. Они пожимают руки.

— Доктор Мантенья, как я рад вас видеть, — произносит мой начальник.

— Господин Фуски, добрый день. Я принес вам небольшой презент в знак моего почтения. — Жестяной серебристо-голубой тубус переходит в руки Энрико. Судя по тому, как они оба с ним обращаются, там либо что-то тяжелое, либо сам младенец Иисус. — Шестнадцатилетний «Бруклади». Если вам нравится шотландский виски, лично я предпочитаю вот этот. Как

бы ни сложился день, один глоток вечером для меня закон.

А вот и решился вопрос. Самовлюбленный пижон.

— Присаживайтесь, доктор. — Энрико пристраивает тубус на край стола, освободив для него место между двумя нагромождениями техники. — Ну как, вы довольны?

— Интервью? Да что сказать, — разводит руками тот, как делают священники, призывая верующих запастись терпением. — Мы с ним справимся.

Энрико издает один из тех смешков, как когда ему совсем не хочется смеяться.

— Ну же! Мы вам устроили интервью в программе «О, времена!» в субботу вечером, а вы не рады? Да вы должны прыгать от счастья!

— Боже упаси, — торопливо поправляется Мантенья, — я знаю, это прекрасно. Только, видите ли, я человек культуры, науки, я ставлю опыты. Все подобные глупости, телевидение... понимаете, это не входит в сферу моих интересов.

Конечно. В самом деле, ведь нейрохирурги, которые не любят глупостей, и в том числе светиться по телевизору, всегда пишут — или нет, лучше, просят кого-то написать за себя — научно-популярные книги. Причем под названием «Не дай превратить себя в животное. Лучшие человеческие качества с точки зрения биологии», где великий корифей только и делает, что перепевает слова других, не потрудившись и слова от себя добавить, и обещает показать, почему эмпатия, щедрость, взаимопомощь и так далее — порывы, которые можно отсле-

доть в нейронной системе при помощи биологии. На самом деле интересно. И, кроме того, на слуху. Эдакое «высокоинтеллектуальное, но понятное» произведение — идеальный подарок на Рождество друзьям — любителям не слишком сложных передач про культуру. Или идеальный предлог, чтобы тебя на такую передачу пригласили.

Энрико делает вид, что ему та же самая мысль в голову не приходила.

— Ну в популярности нет ничего плохого, — улыбается он.

— Тут скорее необходимость, — с деланным огорчением вздыхает Мантенья. — Иногда единственный способ привлечь внимание властей и, соответственно, инвестиций — немного уступить и сделать шаг навстречу массовому читателю. Как там в фильмах? Кто-то же должен делать грязную работу.

Энрико снова выдавливает из себя смешок и решает сменить тему:

— Вы уже получили список вопросов? Что скажете?

— Ну а чего вы хотите, — упорно гнет свое Мантенья. — Я надеялся на более научный подход, но нельзя же ждать, что ведущий заинтересуется, скажем, как и почему необходимо актуализировать карты цитоархитектонических полей коры больших полушарий головного мозга Бродмана... или разницей реакций обычных и зеркальных нейронов на зрительно-двигательные раздражители. С другой стороны, культурный уровень программы «О, времена!» повыше, чем у других похожих передач, не могу жаловаться.

— Странно, похоже, наоборот, очень даже можете, — произношу я, и тут происходит нечто необычное: Мантенья, упорно меня игнорировавший, подпрыгивает на месте, не отрываясь при этом от сиденья, точно чертик из табакерки. Он молниеносно поворачивается в сторону моего голоса, то есть в угол между дверью и книжными шкафами. Там стоит зеленое бархатное креслице, а в зеленом бархатном креслице, со старой зловонной книгой в руках, сижу я.

— А! Я вас не заметил! — восклицает наш месяц де Ла Палисс*. — Вы там давно?

Энрико задерживает дыхание. Знаю, этого он и боялся еще с момента планирования встречи. Боялся, что я поставлю его в неловкое положение, и не могу сказать, что он так уж ошибался.

— Доктор Мантенья, рад представить вам нашу Вани, эм, госпожу Сильвану Сарку.

Мантенья медлит. Теперь и он явно находится перед выбором. Встать и подойти ко мне пожать руку (тут две веские причины: первая — я все-таки женщина, и это элементарная вежливость, вторая — я та, кто написал книгу, которую он потом подписал своим именем и благодаря которой его карьера пошла в гору) или остаться на месте и ждать, чтобы подошла я (одна причина: он — звезда, а я — просто сотрудник издательства,

* Имя генерала Жака де Ла Палисса (1470—1525 гг.) — символ чего-то само собой разумеющегося, утверждение заведомо очевидных фактов, граничащее с абсурдностью, всю историю можно найти по поиску «Ла Палисс — генерал и анекдот». — *Здесь и далее прим. переводчика.*

даже нет, одна из тех, о ком никто не любит упоминать).

В конце концов он решает не вставать.

И я тоже.

— Так это вы — знаменитая Сильвана Сарка, которой я обязан всем, — произносит корифей чрезмерно шутливым тоном. Я замечаю отсутствие вежливого обращения перед своим именем. Можно было бы обидеться, вот только мне наплевать.

— Так, так... вы так молоды, — улыбается он Энрико, точно говорит о его собаке. Но он ошибся. Мне тридцать четыре года. А выгляжу лет на десять младше. В теории — отлично, но на самом деле в плане работы — та еще нервотрепка, потому что никто не воспринимает тебя всерьез. К примеру, как сейчас.

— Да... ничего себе, — оправдывает мои ожидания Мантенья. — Подумать только, что будет, если узнают, что к книге нейрохирурга с тридцатилетним стажем приложила руку... такая юная девушка.

Он говорит «приложила руку», но все трое присутствующих, включая его, тут же переводят про себя: «написала». Потому что именно так оно и было. У него сложилась идея сюжета. В нескольких пространственных сообщениях — недаром сейчас мы впервые столкнулись лицом к лицу — он объяснил мне основные темы отдельных глав. Передал пароль к академическому архиву научных журналов и отметил, каких авторов цитировать. Все остальное сделала я. Потому что в этом и заключается моя работа: я — призрак пера издательства «Эрика».

Кто такой призрак пера?

Что ж, посмотрим.

В сущности, призрак пера — тот, кто пишет вместо кого-то, а этот кто-то потом подписывает готовую книгу. Например, писатель, увлекшийся работой на телевидении, уже не успевает закончить последний роман. Или юморист хочет опубликовать сборник монологов, но не может написать так много сразу. Крупная шишка обещает выпустить автобиографию, но обладает слогом шестилетнего ребенка. Или врач, который придумал новый метод лечения, не может достаточно ясно изложить его суть в статье; государственный деятель, привыкший отвечать на вопросы журналистов, но не писать что-то с нуля; приглашенный на телевидение предприниматель, которому противопоказано выступать экспромтом, иначе обязательно выпалит какую-нибудь мерзость вроде «бренд», «индивидуальный заказ», «клиентоориентированный подход» или «специалисты свяжутся с вами». В таких случаях издательства, нимало не смущаясь, говорят: «Не беспокойтесь, это будет бомба», находят список литературных рабов, и тут-то и вступаем в дело мы.

Нам рекомендуют два-три основных направления для развития темы, список источников, если в них есть необходимость, дают время на выполнение, как правило, позорно мало, и микроскопическую плату за то, чтобы ушли обратно в тень без единого слова о том, кто является настоящим автором. И вот книга-речь-статья готова.

Примерно на этом моменте рассказа о моей работе люди говорят: «Ого».

«Ого. Конечно же, не так-то легко поставить себя на место того или иного персонажа, приобрести его голос, умения, стиль. Тут нужны огромная гибкость, умение быстро учиться, способность к ассимиляции».

О да, совершенно верно. Каждый призрак пера, заслуживающий свое звание, должен обладать всеми перечисленными качествами. Должен быть способен, так сказать, сойти со своего места, чтобы встать на место другого, представить не только что писать, но также как лучше всего это сделать. А потом, собственно, сделать. Каждый хороший призрак пера — жидкость, принимающая форму той головы, в которую его наливают, зеркало, отражающее лицо, мутант, способный вобрать в себя характер человека. А также кто-то вроде беспристрастного судьи, который невозмутимо наблюдает за процессом изменения личности, размышляя о самом удачном способе выразить то, что хотел сказать автор. Невыносимый хамелеон, способный делать множество дел сразу, — вот что такое настоящий призрак пера. Звучит не так-то просто, верно? Так и есть.

Вот, наверное, и причина, почему нас так мало. Особый вид хамелеонов на грани вымирания.

— Естественно, об участии Вани в работе над вашей книгой никто не узнает никогда, — замечает Энрико, и в этом «никогда» такая уверенность, что Мантенья тут же успокаивается. Готова поспорить, сейчас нейрохирург представил, что издательство держит меня в кулаке, что я всего лишь пешка, полностью в их власти, что в моем контракте запрет на запрете, обязывающие со-

хранять тайну, угрозы увольнения, требования возмещения убытков и телесные наказания. Правильно представил. Разве что кроме части про телесные наказания (но для верности надо будет перечитать контракт, старина Энрико способен на все).

— И потом, только представьте: даже если бы прошел слух, что книгу вам написала эта девчушка, кто бы вообще поверил? — для полноты картины добавляет мой начальник.

Опять же — можно обидеться, но мне все равно.

Мантенья снова поворачивается ко мне, но теперь выражение скрытых толстыми линзами глаз гораздо спокойнее. Ему даже почти весело. Следует иметь в виду также, что я не только выгляжу на двадцать четыре, а еще и одета неприметно, как и всегда при посещении издательства. И сейчас я скорее похожа на студентку, а то и на старшеклассницу. Вне стен этого здания я обычно выгляжу немного иначе, но такова часть нашего уговора с Энрико: когда я прихожу сюда, должна сделать все, что в моих силах, чтобы не остаться в памяти встреченных сотрудников. Похоже, определение «призрак пера» подходит мне лучше, чем кому-либо.

— То есть вы здесь потому, что ответы для моего интервью писать поручено вам, так? — щебечет Мантенья. — Вам что-нибудь нужно? Прислать еще раз пароль к архивам для освежения памяти?

— Мне достаточно было увидеть вас, услышать, как вы говорите, — поясняю я. — Чтобы понять, как составить ответы, чтобы они звучали естественно.

— Обещаю быть отличным актером, — наигранно смеется он.

Боже. Когда он пытается строить из себя симпатягу, напоминает Лягушонка Кермита*.

— Нет, видите ли, доктор, вы не понимаете. Я здесь именно для того, чтобы вам, рассказывая шутки, играть не пришлось. В каком-то смысле не вы станете актером, а я.

Мантенья смотрит на меня пустым взглядом, и рассмеяться хочется уже мне. Конечно, как я уже говорила, если бы эта ситуация для меня имела хоть какое-то значение.

В издательстве «Эрика» я работаю девять лет и уже успела сыграть больше персонажей, чем какой-нибудь статист в Королевском театре**. Я была и историком нового времени, и преподавательницей метода Судзуки***, и географом, предпринимателем, желающим получить должность в министерстве, комиком, велосипедисткой, даже генералом в отставке. И много кем еще. Я писала книги и занудно-длинные, и воздушно-легкие, овладела профессиональным жаргоном нейронаук (да, хорошему призраку пера удаются и настолько сложные вещи) и заковыристыми ругательствами на три строчки, готовила со-

* Лягушонок Кермит — самая известная из кукол Маппет, созданных американским кукольным Джимом Хенсоном.

** Teatro Regio, Королевский театр — один из старейших оперных театров Италии, расположен в Турине.

*** Метод Судзуки — методика музыкального развития детей, созданная японским скрипачом и педагогом Синъити Судзуки (1898—1998 гг.).

